

Л. Н. СЕМЕНОВА

УЧАСТИЕ ШВЕДСКИХ МАСТЕРОВЫХ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ ПЕТЕРБУРГА (ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XVIII в.)

30 августа 1721 г. Швеция и Россия заключили мир. Это создало благоприятную обстановку для развития экономических связей между двумя странами.¹ 16-й пункт Ништадтского договора устанавливал право свободного торгового оборота всякими товарами для подданных как той, так и другой страны, получения ими привилегий и пользы, «какия дружественнейшим народам во оных позволены».

Русское правительство было заинтересовано также в использовании шведских специалистов. По условиям мирного договора все шведские пленные получили разрешение вернуться на родину; одновременно Петр I обратился к пленникам с манифестом, в котором призывал их оставаться в России, гарантируя им свободное вероисповедание и равные права с российскими подданными. Отправляя в Стокгольм первого после установления мирных отношений посла М. П. Бестужева, Петр I лично дал ему наставления, в которых особенно подчеркнул необходимость прислать «довольное число мастеровых, искусных в разных знаниях людей» — садовников, земледельцев, «людей, искусных в знании и хождении за лесом», плотников, каменщиков, слесарей, «ружейных мастеров, а особливо совершенно искусных в делании ружейных замков, пружин и машин; также плавильщиков меди, делателей стали и многих тому подобных».²

¹ На русско-шведские отношения в 1721—1730 гг. большое влияние оказывали борьба прорусской и антирусской группировок в Швеции. См.: М. Полиевктов. Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира (1721—1725). СПб., 1907; Л. А. Никифоров. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. М., 1959; Г. А. Некрасов. Русско-шведские отношения и политика великих держав в 1721—1726 гг. М., 1964, и т. д.

² И. И. Голицков. Деяния Петра Великого..., т. VIII, М., 1838, стр. 277.

20 июля 1723 г. Петр I направил в Швецию одного из крупнейших петербургских строителей Михаила Земцова, наказав ему ознакомиться со шведскими методами строительства; особое значение имело то, что Петербург находился в климатических и почвенных условиях, близких к условиям Швеции. «Ехать тебе в Стек Голм, — приказал Петр I Земцову, — и там сыскать, как у них держитца подмасака у полат, так же и во городах у тех, которые к земле так на площадках, ежели есть илощатки, чем крепят от течи». Второй задачей, поставленной Петром I перед Земцовым, был наем искусных мастеров, «каких у нас нет или и есть, да дороги или непотребны, и прочих, в чем у нас есть нужда».³

В последние годы царствования Петра I требования, предъявляемые к иностранным мастерам, возросли. По приезду в Россию мастера должны были подтвердить свою квалификацию: «Которые мастера вывезены будут из других государств, освидетельствовать немедленно, знают ли они своего дела, и буде не знают или плохо знают, тотчас отпустить».⁴ Тратя на оплату иностранцев значительные средства, правительство требовало внимательного надзора за иностранными мастерами, предписывало следить, «чтоб они не гуляли и не даром деньги брали».⁵

М. Земцов был человеком, менее всего склонным приглашать в Россию иностранцев, если они не были необходимы. Тем не менее он заключил в Стокгольме договоры с мельничным, плотничным, столярным, пружинным мастерами, с двумя каменщиками, каменосечцем, садовником. Несомненно, что мастера перечисленных специальностей были необходимы для строительства новой русской столицы.

В отличие от договоров, заключаемых ранее с иностранцами, прибывавшими в Петербург из отдаленных стран (Италии, Франции и др.), договоры со шведами заключались на более короткий срок — на 1 год (на 3 года как исключение). Обе стороны были более свободны во взаимоотношениях, по истечении года могли расстаться или перезаключить договор на новых условиях. Так, мастер кровельного и железного дела Константин Генекрей (Constanti Heuneker), заключивший 20 мая 1722 г. в Стокгольме договор о работе на строительстве Петербурга, через год просил возобновить с ним контракт, однако на несколько иных условиях: по 5 руб. за шифунт [т. е. 10 пудов] железных досок, вместо 3 р. 75 коп., полагававшихся прежде, изменял цену покрытия крыш свинцовыми досками и оплату нерабочих дней, настанвал на том,

³ Доношение М. Земцова в Канцелярию от строений, 1723 г. ЦГИА СССР, ф. 467, оп. 73/187, кн. 32, ч. I, л. 260.

⁴ Указ от 5 ноября 1723 г. Полное собрание законов (далее — ПСЗ), т. VII, № 4345.

⁵ Собственноручная резолюция А. Макарова на письме У. Спизивину из Кабишета е. и. в. 1723 г. ЦГИА СССР, ф. 467, оп. 73/187, кн. 37, ч. I, л. 368.

чтобы учениками при нем были те же молодые люди, которые учились у него в течение первого года его работы. В результате «многих разговоров», состоявшихся между Генекреем и директором Канцелярии от строений У. А. Синявиным, Генекрей «склонился» к условиям, выдвигаемым русской стороной, и обещал ими «быть довольным» (в новом договоре ему устанавливалась плата по 4 руб. за шифунг железных досок, по 25 коп., вместо просимых им 50 коп. за день, проведенный без работы не по собственной вине, обучение кровельному делу новых 4 кузнецов, казенные квартира, дрова, свечи).⁶

В начале 20-х годов XVIII в. в Канцелярии от строений выделялся садовый мастер Олоф Удефельт (Oloft Udefeldtg). Он руководил садовыми работами в Дубках и Стрельне.⁷ В октябре 1723 г. М. П. Бестужев заключил в Стокгольме контракт еще с одним садовником — Канатусом Ланпертусом. Последний был садовником польского короля, прежде, видимо, работал в Дрездене и туда же должен был вернуться по истечении трех лет (срок контракта с М. П. Бестужевым), если «от королевского величества полскаго указ получит». Квалификация Ланпертуса оценивалась выше, его оклад равнялся 300 руб. в год,⁸ в то время как Удефельт получал в эти годы по 120 руб. Работой Удефельта русские власти были несомненно довольны, об этом свидетельствует то, что он продолжал работать и в 1728 г., и его оклад в это время уже был повышен до 300 руб. в год.⁹

Для строительства пыльных и пороховых мельниц, приводимых в движение силой ветра, воды и конной тягой, из Стокгольма выписали мастера Егана Глицмана; для изготовления маленьких пружинок к часам и «сочинения» инструментов в Стокгольме за-контрактовали мастера Фалдина Якоба; мастера Гинрик Сигмунд Круг и Христиан Кегель обязались приехать из Стокгольма в Петербург для того, чтобы по показанным им чертежам и рисункам выполнять каменные и штукатурные работы, составлять известь и цемент так, чтобы в обмазанных ими глубоких погребках не появлялась вода и чтобы наружные стены не портились от морозов и непогоды. Для выполнения других строительных работ из Стокгольма приехали Ганс Никлас Криг, Герард Галле, Иоган Михаель Гинрих.¹⁰ В 1723 г. в С.-Петербургском арсенале работал подмастерьем «кортишного дела» инноземец шведской нации, сын мастерового человека города Стокгольма Исаи Аврамов.¹¹

Наряду со шведами на строительстве Петербурга работали так называемые «нарвские жители». Они значились иноземцами,

⁶ ЦГИА СССР, ф. 467, оп. 73/187, кн. 37, ч. I, лл. 283—285 об.

⁷ Там же, кн. 32, ч. I, л. 247; кн. 37, ч. I, л. 375; кн. 33, ч. I, лл. 26—27.

⁸ Там же, кн. 32, ч. I, л. 274.

⁹ Там же, кн. 69, ч. I, л. 6 об.

¹⁰ Там же, лл. 260, 262—274.

¹¹ Архив Военно-исторического музея (далее — АВИМ), ф. 2, оп. 5, д. 2890.

по какова была их национальность, не всегда ясно. В 1723 г. в Канцелярии от строений работали кузнец Яган Андриссон, оконничники Каспер Блек и Никон Иванов, каменного и деревянного резного дела мастер Матис Меллер.¹²

Как только русские люди овладевали тем мастерством, которое выполняли иностранцы, Канцелярия от строений предлагала Сенату отпускать иностранцев на родину. В 1725 г., например, по мнению Канцелярии, «надлежало отпустить» шведских каменотесца, плотника и каменщиков, «понеже архитекторы Усов и Ерошкин объявили об них, что те дела, которые они исправляют, могут они, Усов и Ерошкин, отправлять с русскими людьми»; без ущерба для дела следовало также отпустить кузнеца Ягана Андриссона и некоторых других иностранцев.¹³

Использование шведского опыта и шведских специалистов имело место и во время Северной войны. Будучи высокого мнения о шведских законах, Петр I пользовался ими для написания своих регламентов, уставов, применял при осуществлении реформ систему шведских государственных учреждений,¹⁴ стремился привлечь шведских пленных на русскую государственную службу.

Приглашая военнопленных вступить на русскую службу, Петр I гарантировал им, что они не будут использоваться в военном деле. В связи с реформой центральных органов управления правительство пригласило в 1717 г. на службу в Коллегии «полоненных камериров, комиссаров, рентмейстеров, секретарей, аудиторов и знатных шрейберов и прочих офицеров, которые в Швеции или где инде у таковых дел были, и хотя не были, а за оные возьмутся, обещая им его ц. в. высокую милость и довольное жалованье».¹⁵ Всех изъявивших согласие вступить в русскую службу предписано было немедленно вести в Петербург.

Все льготы и привилегии, оказываемые русским правительством пленным, касались исключительно офицеров, т. е. дворян. Шведский историк Эннер свидетельствует, что «с пленными офицерами в России вообще обращались хорошо». В совершенно ином положении находились пленные шведские солдаты,¹⁶ которых эксплуатировали наравне с русскими солдатами и крестьянами.

Шведские военнопленные участвовали в строительстве мазанкового гостиного двора на С.-Петербургомском острове (начат 31 мая 1712 г.), коллегий на Троицкой площади (начаты 22 мая 1714 г.), канала и земляных доков на о. Котлин (начаты в 1719 г.)¹⁷ и

¹² ЦГИА СССР, ф. 467, оп. 73/187, кн. 37, ч. I, л. 374, об.

¹³ Предложения Канцелярии от строений Сенату: ЦГИА СССР, ф. 467, оп. 73/187, кн. 48, ч. II, лл. 995—1004.

¹⁴ См. статью А. Г. Манькова в настоящем сборнике.

¹⁵ Указ от 9 ноября 1717 г. ПСЗ, т. V, № 3101.

¹⁶ Я. К. Грот. О пребывании пленных шведов в России при Петре Великом. «Журнал Министерства народного просвещения», 1853, № 2, стр. 128.

¹⁷ ЦГИА СССР, ф. 467, оп. 73/187, кн. 356, лл. 9—33.

некоторых других зданий. Вероятно, мы не располагаем полными сведениями о пленных, определенных в ведение Канцелярии от строений, ибо нам известно только о пленниках, находившихся под командой капитана Кашишцева. Предположению, что Кашишцев ведал всеми пленными, определенными в Канцелярию, противоречит один, но существенный факт. Кашишцев занял должность начальника над пленными после майора Шаховского. Передавая должность, Шаховской составил ведомость, «что в бытность его в присылке было и откуда, и с того числа куды убыло с 712 г. по сентябрь 719 г.». Прибытие первой партии шведов отмечено в его ведомости в 1712 г.¹⁸ Допустим, что в названном году Шаховской принял начальство над пленными, но тогда он должен был бы отметить, какое число пленных перешло к нему от прежнего над ними начальника. Этого не сделано. Между тем известно, что в 1710 г. у Сицивина работало 650 пленников.¹⁹ Однако в дальнейшем общее число пленников, работавших в ведении Канцелярии от строений, никогда не превышало находившегося в команде капитана Кашишцева.

Наиболее интенсивно пленников присылали в Петербург в 1712—1714 гг. За три названных года в Канцелярию было прислано 2682 пленников. В последующие годы поступление пленников было незначительным. Пленные прибывали в Петербург либо непосредственно с фронта (из Выборга, Гельсингфорса, «с моря завоеванного»), либо из тех областей России, где они работали до того (Московской, Казанской, Киевской губерний).

При той нехватке квалифицированных рабочих, которая наблюдалась в России в рассматриваемое время, Канцелярия от строений, естественно, стремилась выявить шведов, знакомых с ремеслом. Из 856 пленников, имевшихся в распоряжении Канцелярии в начале 1720 г., 297 человек были квалифицированными работниками.

Из числа квалифицированных работников 37 человек находились «на паролех». Практически эти люди были свободными, они могли жить и работать, не подвергаясь надзору. С пленного брали «парольное письмо», т. е. обязательство не бежать, не чинить тайной переписки и т. д. Документ этот подписывало несколько иностранцев, которые несли ответственность за переводимого «на пароль» пленного, по существу брали его на поруки.²⁰ Может быть, переводу «на пароль» сопутствовала еще присяга, даваемая в присутствии пастора, во всяком случае в 1716 г. князь Черкасский велел учинить присягу «парольному» шведу лекарю Ягану Штаркину, лечившему пленников, в том, что он и русских людей

¹⁸ Там же, оп. 483/1440, кн. 7, ч. III, лл. 787, 684.

¹⁹ Там же, кн. 10, ч. I, д. 42, л. 190.

²⁰ Там же, оп. 73/187, кн. 16, ч. I, л. 110.

«лечить будет верно».²¹ Парольные шведы выполняли важные и сложные работы: упомянутый Яган Штаркин лечил мастеровых батальона от строений; Ларс Лин с тринадцатью товарищами и с десятью русскими плотниками строили шпиль Петропавловской колокольни и купол собора (с 1 мая 1718 г. поднимали большие брусья на купол и на шпиль колокольни церкви Петра и Павла). Руководители петербургского строительства подчеркивали мастерство и смелость шведских плотников.²² Находившийся «на пароле» Карл Вридрих в 1716 г. «работал у письма и чертежей».²³ Вероятно, «на пароле» находились и те два пленных, которые до 1722 г. выполняли «рисование всяких чертежей и смотрение каменного строения на Васильевском острове, чтобы регулярно было».²⁴

Среди пленных, присланных в Канцелярию от строений, были мастера различных специальностей: в 1712 г. три пленных выполняли столярные и 7 пленных кузнечные работы в Петропавловской крепости, в 1714 г. — 26 пленных выполняли плотническую работу в доме Его ц. в., 47 человек — в Лигове; в 1716 г. в крепости работал кузнец Ганс Мангрин, 23 плотника трудились на Черной речке.²⁵ В Петергофе в 1719 г. работало 155 мастеровых-пленных, из них 13 каменоломщиков, 12 столяров, 79 плотников;²⁶ в марте 1721 г. — 8 столяров, 76 плотников, 7 каменоломщиков.²⁷ В Стрельне в мае 1721 г. работало 15 бочаров, 10 мастеров по изготовлению гонта, 3 обручника, 2 столяра, 4 кузнеца, 7 судоремонтников.²⁸ В Петербурге в январе 1721 г. работали 8 мастеров свинцового дела, 42 плотника и кузнеца «у дела шлица» Петропавловской крепости, и т. д.²⁹ С 1710 г. работал на Назинских кожевенных заводах пленный медник Илья Питершен,³⁰ с 1711 г. трудились на Ижорской пильной мельнице пленные пильщики,³¹ пятеро шведов «размеривали» Васильевский остров, шестеро «плели решетки» для Летнего дворца, трое работали портными,

²¹ Там же, кн. 16, ч. I, л. 105. — Возможно, однако, что присяга была вызвана тем, что речь шла о должности лекаря.

²² ЦГИА СССР, ф. 467, оп. 73/187, кн. 37, ч. I, л. 295.

²³ Там же, оп. 4, д. 460, л. 48.

²⁴ Там же, оп. 73/187, кн. 48, ч. II, л. 1003 об.

²⁵ Выписка в Канцелярии городских дел: там же, кн. 7, ч. III, д. 187, л. 9.

²⁶ Указ Черкасского: там же, кн. 4, ч. II, д. 73, л. 113.

²⁷ Табель о числе работающих в Петергофе. 17 марта 1721 г.: там же, кн. 20, л. 436.

²⁸ Возможно, что какими-то специальными знаниями обладали пленные, работавшие «в плотине», «у насосов», «у архитектура» (ЦГИА СССР, ф. 467, оп. 73/187, кн. 15, ч. II, лл. 492—504).

²⁹ Ведомость капитана Кашинцева: ЦГИА СССР, ф. 467, оп. 73/187, кн. 18, ч. I, л. 131.

³⁰ Доношение Питершена в Канцелярию городских дел. 1721 г.: там же, кн. 26, ч. II, л. 420.

³¹ Выписка Канцелярии городских дел: там же, кн. 7, ч. III, д. 187, л. 9.

один токарем.³² Работали шведские военнопленные мастеровые и в Арсенале. В 1718 г., например, в петербургском артиллерийском ведомстве работало 90 военнопленных, из них 17 плотников и 11 кузнецов.³³ В 1721 г. из Арсенала на родину было отпущено 104 военнопленных.³⁴

В отдельных случаях шведские мастеровые не только работали сами, но и обучали русских людей. Нильс Ландрин, например, будучи каменоломным мастером, «научил и отпустил в работу его ц. в.» 15 русских.³⁵ Пленные были заинтересованы и в обучении русских людей, и в выполнении квалифицированной работы потому, что им за нее больше платили.

Жалованье военнопленных, занятых на черных работах, состояло из 10 алтын в месяц. Кроме денег, им давали хлебный паек — муки по 1/2 осьмины (2 четверика) и круп по малому четверику.³⁶ Шведам, следовательно, платили столько же, сколько русским крестьянам, высланным в Петербург для исполнения черной работы.³⁷ Размер жалованья оставался одним и тем же на протяжении всех лет — с 1710 по 1721 г.

Пленным мастеровым платили в основном по 30 алтын в месяц (в 1720 г. 30-алтынное жалованье получало 252 человека, 3 человека имели оклад 23 алтына 2 деньги, и 5 человек — 16 алтын 4 деньги).³⁸ 30-алтынный оклад равен окладу русских казенных мастеровых (той их части, которые назывались «умеющими», ибо существовала и ниже оплачиваемая категория русских мастеровых — «малоумеющие», им платили по 20 алтын в месяц). Хлебный оклад пленных мастеровых состоял из малого четверика крупы и двух или даже четырех четвериков муки.³⁹ Такие оклады также были равны окладам русских мастеровых (2 четверика выдавали холостому и 4 четверика женатому мастеровому). Чем объяснить расхождения в величине хлебного оклада шведских мастеровых, мы не знаем.

30-алтынный оклад платили пленным мастеровым в то время, когда они выполняли квалифицированную работу. Руководивший Канцелярией от строений кн. Черкасский подчеркивал, что мастеровому, который на работе не будет, следует «давать против его братья, арестантов, по 10 алтын на месяц».⁴⁰

³² Выписка Канцелярии городских дел: там же, оп. 4, д. 460.

³³ АВИМ, ф. 2, оп. I, д. 230, лл. 445—447.

³⁴ Там же, оп. 9, д. 7, лл. 10—11.

³⁵ Доношение Нильса Ландрина, 25 июня 1721 г.: ЦГИА СССР, ф. 467, оп. 73/187, кн. 20, л. 323.

³⁶ Помета У. А. Сивявина: там же, кн. 10, ч. I, д. 42, л. 190; оп. 4, д. 460, л. 4; кн. 7, ч. III, л. 653.

³⁷ ЦГИА СССР, ф. 467, оп. 4, д. 460, лл. 4 об., 19.

³⁸ Там же, оп. 483/1440, кн. 7, ч. III, л. 838 об.

³⁹ Там же, оп. 73/187, кн. 19, ч. I, л. 384; кн. 7, ч. III, д. 187, л. 9; оп. 4, д. 460, лл. 3—4.

⁴⁰ Там же, кн. 19, ч. I, л. 384.

За наиболее сложные работы пленные мастеровые получали деньги «не в зачет определенного жалованья». Причем размер этих сверхокладных денег был опять-таки одинаков как для шведских, так и для русских мастеровых. 15 шведских и 11 русских плотников, соорудивших с мая по декабрь 1718 г. Петропавловскую колокольню, получали сверх жалованья по 6 денег в день.⁴¹

За обучение русских людей жалованье пленного мастера также увеличивалось. Нильсу Ландрину в то время, когда он обучал каменоломному мастерству русских людей, выдавали по 3 руб. в месяц. По окончании обучения ему стали платить, как и всем мастеровым, по 30 алтын.⁴²

Пленные, имевшие образование, — лекарь, чертежник — получали по 3 руб. в месяц.⁴³

После заключения мира со Швецией, но до обмена ратификационными грамотами пленные продолжали выполнять те же работы, которые они выполняли во время войны, однако оклад их по указу Сената был увеличен на 6 денег в день.⁴⁴

В отличие от русских рабочих и мастеровых людей пленным полагалась казенная одежда. Раз в три года им выдавали новую овчинную шубу, раз в два года — по 14½ аршина сермяжного сукна на шапуну и штаны, по 2 пары холщевых рубашек с портками, по три пары обуви (упоков), по 2 пары рукавиц, в том числе одну пару с варегами.⁴⁵

Большинство пленных жило в казармах. Казармы были построены вблизи тех объектов, на строительстве которых работали шведы. Казармы, например, располагались недалеко от Летнего дворца.⁴⁶ В одной казарме проживало по 20—30 человек (в С.-Петербургe 510 пленных были расквартированы в 22 казармах; 116 пленных, работавших в Стрельце, помещались в четырех казармах; 112 пленных, работавших в Петергофе, помещались также в четырех казармах).⁴⁷ Казармы представляли собой деревянные дома с большими окнами. Решеток на окнах не было. На последнее обстоятельство неоднократно жаловался капитан Кашинцев, подчеркивая, что он не может отвечать при таких условиях за предотвращение побегов пленных.⁴⁸ У отдельных пленных были свои избы. Вероятно, это относилось к немногим из мастеровых, которые жили здесь с семьями. Пленный медник Питершен, например, прожил на Навицких кожевенных заводах с 1710 г. по декабрь 1721 г. Вместе с ним жили жена Аника Крестьяна и

⁴¹ Там же, кн. 37, ч. I, л. 295.

⁴² Там же, кн. 20, л. 323.

⁴³ Там же, оп. 2, д. 460, л. 48.

⁴⁴ Там же, оп. 73/187, кн. 16, ч. I, л. 78.

⁴⁵ Там же, кн. 12, ч. 1, лл. 6, 7; кн. 5, ч. III, д. 72, л. 8.

⁴⁶ Письмо Б. И. Неронова Ф. Бородину, 16 мая 1721 г.: там же, кн. 17, ч. II, л. 715.

⁴⁷ Там же, кн. 18, ч. II, л. 479.

⁴⁸ Там же, кн. 15, ч. I, л. 131.

родившиеся в Петербурге дети (две дочери — 7 лет и ½ года и сын 4 лет).⁴⁹ С женой и дочерью жил в Петербурге Андрис Арп.⁵⁰ Б. И. Неронов писал Ф. Бородину о том, что близ мастерского двора при Летнем доме для пленных построены казармы, «а у иных и свои избы».⁵¹

Работавшие в Петербурге пленные имели возможность в некоторых случаях пользоваться медицинской помощью. Известно, что ранее 1716 г. пленных лечил упомянутый выше лекарь Яган Штаркин, в марте 1719 г. в партии из 383 пленных было три лекаря. В помощь лекарям власти выделяли вспомогательный персонал. В 1719 г. уход за 157 больными пленными осуществляли 25 их товарищей.⁵² Лечение было примитивным, а изнурительный труд в неблагоприятных климатических условиях, усугубленный моральными страданиями, приводил к высокой смертности: за 6—8 лет работ в Петербурге из 2682 пленных умерло 1208 человек. Смертность пленных была столь же значительна, как и смертность русских рабочих людей, присылаемых в Петербург со всех концов страны в порядке отбывания государственной повинности. Преимущество последних перед пленными заключалось в том, что они находились на работах в Петербурге 3—4 (редко 6) месяцев, после чего возвращались в свои деревни и посадки. Во всем остальном положение русских рабочих людей не отличалось от положения чернорабочих-военнопленных — нередко их вели в столицу скованными цепями и держали под караулом не менее строгим, чем «шведских арестантов».

Как правило, пленные работали под надзором конвойных.⁵³ Пленные-мастеровые были свободнее. Не только «парольные», по, видимо, и некоторые другие пленные-мастера работали без постоянной охраны. Наиболее квалифицированные из них руководили сложными и ответственными работами. Плененный в Выборге в 1710 г. Олоф Люсти был направлен архитектором Трезини на слюдяные заводы в Вышнем Волочке мурмейстером. Через три года его перевели на строительство зданий, которым ведал новгородец Сердюков. В 1714 г. архимандрит Александро-Невского монастыря Феодосий Яновский добился того, чтобы Олофа определили к «надсмотру у полатного каменного строения Невского монастыря». Будучи на службе в монастыре, Олоф руководил работой русских мастеровых,⁵⁴ к которым относился очень требовательно; в частности, он категорически отказывался допускать

⁴⁹ Доношение Питершена в Канцелярию городских дел, декабрь 1721 г.: там же, кн. 26, ч. II, л. 420.

⁵⁰ ЦГИА СССР, оп. 4, д. 460, л. 42.

⁵¹ Там же, оп. 73/187, кн. 17, ч. II, л. 715.

⁵² ЦГИА СССР, ф. 467, оп. 4, д. 460, лл. 3—3 об.

⁵³ Там же, кн. 15, ч. I, л. 131; оп. 4, д. 53, л. 12.

⁵⁴ Описание архива Александро-Невской лавры (далее — ОААНЛ), т. III. СПб., 1916, стлб. 242—243.

к делу тех каменщиков, которые делали фундаменты из кирпича, «ибо кирпичные фундаменты и десяти лет не простоят»,⁵⁵ и требовал беспрекословного выполнения своих требований.

Во время Северной войны в Петербурге и его окрестностях работали попавшие в плен гражданские лица шведского подданства, положение которых существенным образом отличалось от положения военнопленных. Они были свободны от караула, могли менять место жительства. Пашенный крестьянин Гельсингфоргского уезда Ганс Мартинов, взятый в плен казаками,⁵⁶ жил сначала в Копорском уезде, а потом в дер. Купчино под Петербургом и наряду со всеми крестьянами платил подати и выполнял различные повинности. Семья Ганса Мартинова сохраняла свою веру.⁵⁷ Пленный нарвский каменщик Андрис Арп в течение 18 лет исполнял государственную службу в Петербурге, Новгороде и других городах. Судя по ведомостям Канцелярии городских дел, Арп, а также другой иноземец Ефрем Артов получали с 1712 г. по 5 руб. в месяц, т. е. больше, чем русские казенные и даже наемные мастеровые, но менее каменщиков из Италии и Курляндии.⁵⁸ Влас Штомберг, «торговый человек из Вассо», самостоятельно приехал в Петербург, где находился в услужении у разных лиц. По окончании войны он высказал желание уехать в отечество.⁵⁹

Можно привести еще несколько биографий подобного рода, однако у нас нет данных об общем количестве пленных гражданских лиц из числа шведских подданных. Часть из них вернулась после заключения мира на родину. Те же, кто принял православие, должны были остаться в России.⁶⁰ Известно, что уже в 1718 г. на петербургских заводах артиллерийского ведомства трудилось 10 мастеровых (токари, пильники, плотники), принявших русское подданство.⁶¹ Однако, как правило, выявить среди мастеровых бывших военнопленных, принявших православие, почти невозможно, ибо данное им при крещении имя и их правовое положение не отличались от имен и положения русских людей. Так, на пильной мельнице Александро-Невского монастыря работал трактаментальный пильщик Стефан Михайлов. (Трактаментальные мастеровые представляли собой особую группу постоянно работавших на строительстве обычно квалифицированных мастеровых, подавляющее большинство которых являлось крепостными монастыря). Жалованье, определенное Михайлову, было средним жалованьем трактаментального мастерового — 12 руб. и 12 четвер-

⁵⁵ ОААНЛ, т. II, СПб., 1911, стлб. 659.

⁵⁶ Сказка Ганса Мартинова. ОААНЛ, т. III, стлб. 550.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ ЦГАИ СССР, ф. 467, оп. 4, д. 408, л. 4; д. 460, лл. 38, 54.

⁵⁹ ОААНЛ, т. III, стлб. 242, 244.

⁶⁰ И. И. Г о л и к о в, ук. соч., стр. 270, § 3.

⁶¹ АВИМ, ф. 2, оп. 1, д. 230, лл. 391—444.

тей хлеба в год. Если бы не возникло дело о возвращении этого мастерового в Канцелярию полицмейстерских дел, то было бы невозможно узнать, что настоящая фамилия Михайлова — Эколяней (конечно, это русская транскрипция, как правило, сильно искажающая действительное звучание), что он швед, взятый в плен в битве под Каяном в 1717 г., работавший в ведомстве петербургской Канцелярии полицмейстерских дел и изъявивший желание в декабре 1720 г. сменить лютеранскую веру на православную. В монастырь его направили для ознакомления с православием и для крещения.⁶²

Некоторые шведские военнопленные пожелали остаться в России на временную работу. В числе их были Микель Сорса, Яган Смит и Ганс Юделис, которые, получив паспорта осенью 1721 г., определились на три года в Канцелярии от строений «резать пороком камень». Им была отведена казенная квартира и земля под огород. Жалованье же за столь опасную и трудную работу им определили скромное — по 3 руб. в месяц. За ними сохранился также тот хлебный паек (1/2 осьмины муки и малый четверик крупы), который они получали будучи пленными.⁶³ В Конторе садовых дел в 1722—1723 гг. «в садовой его и. в. работе» также находились оставшиеся в России по своему желанию бывшие шведские военнопленные. Им платили по 4 руб. в месяц.⁶⁴ Их квалификация неизвестна, поэтому трудно сказать, насколько их заработок превышал заработок русских наемных мастеровых, выполнявших аналогичную работу.

Новая столица Российской империи была воздвигнута трудом многих тысяч русских людей. Рядом с ними трудились иностранцы, в частности шведы — мастеровые и чернорабочие, вольнонаемные и пленные. Они делили с русскими рабочими людьми все тяготы и трудности большой стройки и внесли свой вклад в эту огромную работу. Они передали русским мастерам известные им навыки строительства.

Северная война значительно затруднила, однако не прервала вовсе экономического и культурного общения между Россией и Швецией. Значительно более благоприятные условия для их развития и углубления создал Ништадтский мир.

⁶² ОЛАНЛ, т. III, стлб. 404—405, 486, 514. — За сокрытие крещения жестоко наказывали. Так, военнопленный Ирик Дал принял православие, затем, живя в Москве, «оставив веру греческого исповедания, ходил к шведскому пастору»; получая в Военной коллегии в 1722 г. паспорт, также скрыл факт своего крещения. За это он и поступивший подобным же образом Яков Компе были высечены кошками и отправлены под караулом в Военную коллегию (ЦГИА СССР, ф. 467, оп. 73/187, кн. 32, ч. I, л. 250—250 об.).

⁶³ ЦГИА СССР, ф. 467, оп. 4, д. 460, л. 370; оп. 73/187, кн. 37, ч. I, л. 377.

⁶⁴ Там же, кн. 32, ч. I, л. 251.

ПРИЛОЖЕНИЯ

№ 1. 1723 г. июля 8. **Контракт, заключенный со шведским мастером Константином Генекре**

л. 387 По указу его императорского величества в Канцелярии от строений сочинился сей контракт шведской нации медного и железного кровельного дела с мастером Константином Генекре в том, что обязуется он по сему контракту быть в службе Его императорского величества с вышеписанного числа впредь один год у покрывания домов Его императорского величества и других строений железом, где повелено будет, самым добрым мастерством, а за оное покрывание давать ему за всякой пифунтъ, или российский за десять пуд железных досок, по четыре рубли по окончании каждого дела без задержания; а ежели по сочинении сего контракта с сего числа до того времени, как зачатья работ не будет, или хотя и работе будет зачин, токмо без всякой его вины, например от худой погоды или от другога какое помешательства учинитца, которое не от него происходить будет, в вину ему не ставить и в то время давать ему на каждой день на пропитание по двадцати по пяти копеек; так же когда будет он покрывать крыши их свинцовых досок, и за то давать ему по вышеписанной же цене по четыре рубли от пифунта. А квартиру, дрова и свечи давать ему государевы и помянутые денги на пропитание, когда совершенно работать будет ему не давать; а вместо прежних давших ему людей дать ему ныне к той работе для обучения вновь из кузнецов молодых четырех человек, которых он будет обучать по всей своей возможности с прилежанием.

л. 387 об.

И во уверение сего контракта подписуется он своею рукою. Учinen в Санкт Питер Бурхе июля осмага на десят дня тысяца семь сот два десять третьяго году

(подпись)

ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 37, ч. I, лл. 387—387 об.

№ 2. 1723 г. октября 14. — **Контракт, заключенный архитектором М. Земцовым со шведским мастером Евангом Глицманом**

Я, нижеподписавшийся, объявляю сим, что сего нижепомянутого числа з господином архитектором Михайлом Земцовым следующей сей контракт сочинили.

§ 1

Обещается выше писанной господин архитектор на месяц жалованье давать по четырнадцати рублев.

§ 2

И мне б за месяц жалованья в Штакхолме наперед выдать.

§ 3

Что давать жалованья на каждой месяц, заслужа, без задержания.

§ 4

К тому принадлежащие инструменты, которые к моему художеству надлежат, давать без задержания, такожде и квартиру давать свободную, как имею быть в службе его императорского величества.

§ 5

По прошествии одного года мог бы я ехать, куда пожелаю, а ежели, когда я работу делать начну какую урочным годом и сделать не успею, то обязуюся ту помянутую работу совсем отделать, несмотря на урочной год.

§ 6

Выше писанное или к тому призваны делать верно, яко потребуетца от искуснаго и добраго мельничнаго мастера, а именно пыльные мельницы деревянные и каменные, ветряные, пороховые и водяные и лошадиные мельницы, все в полном неукрашении зготовлять буду, как обычай состоит.

И того для лутчего уверения подписуюсь своею рукою в Штакхолме октября 14 дня 1723 году.

(подпись)

ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 32, ч. 1, л. 262.